
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОТРУДНИЧЕСТВО И СВЯЗИ РОССИИ И СССР С НАРОДАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В XX В. (ИТОГИ XIV ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ РУДН (Москва, РУДН, 20–23 мая 2009 г.))

В Российском университете дружбы народов прошла XIV Всероссийская научно-практическая конференция «Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран в XX в.», посвященная 50-летию РУДН (1).

Работа конференции была организована по четырем секциям, три из которых были посвящены вопросам сотрудничества с зарубежными странами последовательно Российской Империи – СССР – Российской Федерации, а четвертая рассматривала проблематику российской эмиграции и диаспоры.

Рассмотрение на конференции проблем сотрудничества и контактов России и СССР с народами зарубежных стран в XX в. включало как анализ исторического опыта реального взаимодействия, в том числе его институциональных условий, форм и результатов, так и изучение взаимного восприятия народов в ходе их историко-культурных контактов. Можно выделить, с определенной долей условности, ряд тематических блоков, в которых исследователями были представлены результаты изучения институционально-правовой основы взаимодействия и практики ее реализации (Е.Ю. Рукосуев, А.Ю. Бендин, О.Е. Алпеев, М.Б. Балова); форм взаимодействия, межгосударственного и неформального, в том числе каналов и практик межкультурной коммуникации (А.В. Голубев, В.А. Невежин, Н.В. Суржикова, А.С. Соколов и П.В. Акульшин, В.М. Кассае Ныгусие, О.В. Чуракова и др.); исторического опыта контактов и сотрудничества в научно-образовательной сфере (В.В. Керов, Ю.Е. Ивонин, В.И. Кузнецов, Р.З. Алмаев, Г.Б. Дудченко, И.В. Купцова, О.М. Бызова); исторических условий и форм взаимовосприятия народов (О.С. Поршнева, М.А. Семенова, Г.Г. Корноухова, Д.В. Юркова).

Важная в теоретическом отношении проблема соотношения правотворчества и правоприменения в сфере межнациональных отношений и межкультурной коммуникации в России и СССР была рассмотрена А.Ю. Бендиным, Е.Ю. Рукосуевым, Г.Н. Шумкиным, Н.В. Суржиковой.

Так, в докладе А.Ю. Бендина, посвященном практике применения в Царстве Польском российского Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., анализируется проблема религиозного реформаторства в этнически и конфессионально неоднородной среде. Автор показал противоречивость религиозной политики Российского государства и практики ее реализации, осуществлявшейся в начале XX в. без учета остроты религиозно-этнического конфликта между народами, проживавшими в западных губерниях Российской Империи. Предпринятый по инициативе «сверху» отказ от государственного принуждения в сфере вероисповедания вызвал, вопреки ожиданиям Николая II и правительства, волну низового насилия и принуждения. Порожденный реализацией Указа негативный опыт религиозно-этнического прозелитизма и террора, изученный А.Ю. Бендиным, указывает на актуальность учета в государственной политике проблем религиозно-этнических отношений, факторов религиозно-этнической вражды, реальных межэтнических и религиозных противоречий и возможных форм их проявления.

Е.Ю. Рукосуев и Г.Н. Шумкин проанализировали проблемы разработки и реализации в России законодательства, регулировавшего применение труда и определявшего социальное положение китайских рабочих в годы Первой мировой войны. Е.Ю. Рукосуев, рассматривая проблему формирования во второй половине XIX – начале XX в. законодательной базы использования в России «желтого труда», показал роль экстремальных условий Первой мировой войны в ее существенной корректировке. Нехватка рабочей силы в промышленности вызывала постоянный пересмотр существующих законодательных положений, направленный на облегчение условий найма иностранных рабочих. Роль практики применения китайского труда на предприятиях Пермской губернии состояла, в частности, в инициировании многих из этих изменений пермским губернатором А.А. Лозина-Лозинским, «внимательно следившим за использованием труда китайцев на вверенной ему территории».

Е.Ю. Рукосуев и Г.Н. Шумкин подчеркивают присутствие в законодательстве идеи об одинаковых условиях труда для китайских и русских рабочих. В то же время анализ Г.Н. Шумкиным реального социального положения китайских рабочих позволил сделать вывод о худших, в целом, условиях их труда и быта, что объяснялось зависимостью материально-бытового положения рабочих от производительности их труда, стремлением заводчиков, поддерживаемых властями, к использованию дешевой рабочей силы. Е.Ю. Рукосуев и Г.Н. Шумкин показали специфику социально-бытовых привычек китайцев, отражавшихся на их положении, диссонировавших с российскими традициями, но учитывавшихся в нормативной и повседневной практике применения их труда.

Результаты изучения российского и советского плена, порожденных двумя мировыми войнами, как пространства формальных и неформальных контактов между народами представила в своем выступлении Н.В. Суржи-

кова. Она сосредоточила свое внимание на рассмотрении опыта неформальной коммуникации и его роли в функционировании плена как одной из модификаций социальности. В то время как массовое использование труда военнопленных породило институционализацию плена и создание его нормативной базы, система неформальных, внутри- и внешнекоммуникативных связей, «легитимированных самой жизнью», – альтернативную нормативной реальность. Н.В. Суржикова, исследовав различные неформальные коммуникативные практики в пространстве плена, их каналы и «сценарии», показала их роль в структурировании и организации самого пространства плена и его превращения в один из значимых социальных институтов.

Формы международного сотрудничества и культурных связей России и СССР со странами Европы, Америки, Азии и Африки в различных контекстах рассматривались в докладах О.В. Чураковой, В.М. Кассае Ныгусие, В.А. Неvejeина, А.В. Голубева и др. Роль династических русско-шведских брачных союзов в истории взаимоотношений России и Швеции проанализировала О.В. Чуракова, сделав вывод об их особой функции – не только реализации государственных целей и интересов в обеих странах, но и поддержания межэлитных, межкультурных, межконфессиональных и – шире – цивилизационных взаимоотношений двух народов. Важная проблема соотношения путей и способов формальной и неформальной межкультурной коммуникации была поднята в докладе А.В. Голубева, посвященном народной и культурной дипломатии в советскую эпоху.

Автор предлагает различать данные понятия, что представляется чрезвычайно актуальным в методологическом отношении. Он подчеркивает, что культурная дипломатия использовалась государством для достижения политических и пропагандистских целей путем установления культурных, общественных и научных связей, показывает формы ее целенаправленной организации и осуществления в СССР, дает их оценку. Народная же дипломатия представляет, как подчеркнул А.В. Голубев, принципиально иное явление, главным субъектом которого выступает не государство, а личность. Если пространство культурной дипломатии в СССР было строго организовано и нормировано, то народной – стихийно и порой сопряжено с нарушением писаных и неписаных законов.

Автор показал различия в масштабах обеих форм дипломатии в советский и современный периоды, роль предубеждений в отношении СССР и России как объективных препятствий в развитии сотрудничества, важность культурной дипломатии и изучения советского опыта ее осуществления в интересах развития международного сотрудничества и создания положительного имиджа России в мире. В контексте рассмотренной А.В. Голубевым проблематики находится и тема доклада В.А. Неvejeина, в котором рассматривается советско-германское культурное сотрудничество в короткий и по-своему уникальный период сближения Советского Союза и нацистской Германии, связанный с заключением пакта Молотова-Риббентропа (конец августа 1939 г. – 22 июня 1941 г.).

Часть докладов была посвящена проблематике сотрудничества СССР и Российской Федерации с другими странами в различных областях культуры, промышленности и прочих, рассмотренной, в том числе, и в региональном аспекте.

Р.Р. Басыров проанализировал участие иностранных специалистов в развитии химической промышленности в Башкирии с точки зрения коммуникации различных индустриальных культур – российской и западной, в первую очередь немецкой. Существенный интерес вызвали доклады представителей Сыктывкарского государственного университета о роли экономических связей в развитии лесозаготовительной отрасли в республике Коми.

А.Н. Горуневич и Л.А. Максимова проанализировали сотрудничество республики Коми и Финляндии в лесной отрасли на протяжении длительного хронологического периода всего XX в. и начала XXI в. Авторам удалось дать периодизацию исследуемого процесса и показать, что либерализация российской экономики после распада СССР способствовала более тесным партнерским отношениям Республики Коми и Финляндии на региональном уровне несмотря на то, что доверие к российской экономике в глазах западных партнеров подрывалось экономической нестабильностью. Это исследование дополняет доклад С.Г. Максимова о болгарских лесосырьевых предприятиях в Коми АССР в 1967–1990 гг.

В докладе Н.Г. Агапова проанализированы культурные связи СССР и «Еврейского национального очага» («National Home for Jewish People») в Палестине, основанного в 1922 г. в соответствии с решениями Верховного Совета стран Антанты, принятыми на конференции в Сан-Ремо в 1920 г., за период 1920–1940-х гг. И.В. Купцова провела компаративный анализ проекта «культурная столица» в контексте российско-европейской культурной коммуникации.

Проблематика собственно межгосударственных отношений в конференционных докладах представлена мало, но здесь любопытен выбор самого объекта исследования. Преподаватель Европейского университета Молдовы (г. Кишинев) Л.Г. Олейник исследовала роль России и процесс урегулирования приднестровского конфликта. В докладе В.М. Кассае Ныгусие был рассмотрен исторический опыт сотрудничества России/СССР с Эфиопией, поддержки Россией борьбы эфиопского народа за сохранение суверенитета. Основными принципами политики России и СССР в отношении Эфиопии, как показал автор, на протяжении последних ста лет оставались дружба, нейтралитет, признание суверенитета этой страны и оказание ей всесторонней помощи. Е.М. Савичева проанализировала стратегические интересы России на Арабском Востоке в актуальной геополитической ситуации рубежа XX–XXI вв. Специальную проблему денежного обращения в англо-советских отношениях 1921–1925 гг. рассмотрели в своем докладе А.С. Соколов и П.В. Акульшин.

Тематический блок, посвященный научно-образовательным контактам России и СССР с зарубежными странами, был представлен докладами Е.И. Аринина, В.В. Керова, Ю.Е. Ивоина, Р.З. Алмаева, Г.Б. Дудченко и др.

В.В. Керов обобщил основные направления исследований в РУДН, посвященных проблемам сотрудничества и контактов с народами зарубежных стран, на протяжении пятидесяти лет существования вуза. Были проанализированы, в частности, роль особого статуса и специфики этнополитической и этнокультурной среды вуза для опережающего развития данной проблематики, показаны этапы ее становления, достижения в этой сфере.

В докладе Ю.Е. Ивонина рассмотрена роль контактов с зарубежными научными учреждениями в современной России в повышении профессиональной квалификации специалистов по зарубежной истории.

В докладе Р.З. Алмаева, посвященном сотрудничеству общеобразовательных школ Южного Урала и ГДР в 1950–1980-х гг., показаны институциональные и социокультурные предпосылки активизации сотрудничества в образовательной сфере, его организационные формы, общее и различия в образовательных традициях, в том числе в восприятии самих участников этих процессов.

Г.Б. Дудченко сосредоточил внимание на проблемах обучения студентов из КНР в приграничных районах России в 90-е гг. XX в. Автор обосновал этапы китайской учебной миграции, мотивацию получения китайскими студентами образования в России, трудности и перспективы в реализации приграничного сотрудничества России и КНР в образовательной сфере.

Существенный интерес представляет анализ опыта международного сотрудничества учебных заведений Российской Федерации, таких как Российский университет дружбы народов, Владимирский государственный университет и Владимирская Свято-Феофановская духовная семинария, с университетами и научными организациями Норвегии, Швеции, Дании, Нидерландов, Италии, проведенный профессором Владимирского государственного университета Е.И. Арининым. В центре внимания описываемых исследовательских проектов – актуальная проблема взаимодействия науки и религии в общественном сознании; при ее исследовании автор вполне оправданно использует метафору «наведения мостов».

Проблему социологического мониторинга этнокультурных процессов в условиях ускоряющейся ассимиляции небольших этнокультурных общностей поставил в своем докладе В.И. Кузнецов. Автор акцентирует внимание на сложности сбора этнокультурной информации и видит решение проблемы на путях интеграции науки и высшей школы.

О.М. Бызова в контексте исследования политики в области образования проанализировала основные направления деятельности Государственной Думы по развитию сотрудничества с зарубежными странами в сфере образования на рубеже XX–XXI вв.

Активно обсуждались на конференции проблемы взаимного восприятия народов, социумов и культур, изучаемые в рамках актуального междисциплинарного направления современной историографии – имагологии. В докладе О.С. Поршневой, посвященном эволюции образов союзников в сознании

русского общества в годы Первой мировой войны, были показаны условия формирования и изменения представлений о союзниках, формы их репрезентации, общие тенденции и особенности их восприятия социальными и политическими группами общества.

Автор обосновала тезисы о том, что в 1914 – начале 1915 г. системообразующим основанием образов были представления о святости общесоюзнического дела, об Англии и Франции – как «справедливых» и «благородных» борцах с германской агрессией, защитниках дела мира и прогресса. В 1915–1916 гг., по мере нарастания жертв и лишений, поражения на фронте и людские потери стали рассматриваться в России как результат бездействия союзников, нарушения ими требований союзнической солидарности. Стремление союзников реализовать в войне свои собственные национальные интересы и сохранить сильную армию ко времени раздела «плодов победы» стали восприниматься как эгоизм, расчетливость и предательство общих интересов, использование России для достижения своекорыстных целей. Это определило коррозию представлений о благородстве союзников, породило кризис доверия в отношениях с ними, отчетливо проявившийся уже в 1916 г. Было показано, что на рубеже 1916–1917 гг. в отношениях с союзниками произошел позитивный сдвиг, а на протяжении всей войны в образованной среде сосуществовали дифференцированные представления, зависевшие от мировоззренческих и политических ориентаций, личного опыта взаимодействия с другой культурой и ее носителями.

В докладе М.А. Семеновой, посвященном повседневной жизни арабского населения стран Востока в восприятии русских путешественников в конце XIX – начале XX в., был обоснован важный вывод о бытовании в целом положительного образа арабов-мусульман и его конкретизации в рассматриваемый период. Последняя, под влиянием активизации российских контактов с арабскими странами и народами, позволяла преодолевать стереотипы и переосмысливать устоявшиеся представления.

Автор выявила спектр проблем, привлекавших внимание русских путешественников, их иерархию и господствовавшие интерпретации. Примечательно, что среди приоритетных для русских был вопрос об арабской самобытности, опасение утраты этнической специфики в условиях проникновения в регион европейских ценностей, влияния европейского колониализма. Это, на наш взгляд, отражало значимость проблемы сохранения самобытности в процессе модернизации для самой России, мощное присутствие этой темы в самосознании самого русского общества.

Д.В. Юрков анализирует образы России и Испании, сложившиеся соответственно у испанского и русского народов на протяжении долгого периода культурных и международных взаимодействий, и исследует роль этих устойчивых стереотипов в восстановлении советско-испанских отношений во второй половине 1970-х гг.

В проблемном поле имагологии выполнено и исследование С.Н. Брежневой. Автор рассмотрела трансформации в 1990-е гг. взгляда историков стран

Центральной Азии на проблему присоединения Туркестана к России и выявила, в первую очередь, политические факторы происходивших в исторической науке этих стран изменений.

Дискурсивный анализ отношения к католицизму в советской идеологии провела Н.М. Маркова. Автор на репрезентативной источниковой основе рассмотрела проблему определения католицизма в энциклопедиях и энциклопедических словарях советского периода и выявила различную степень идеологической нагруженности описаний истории и современного состояния католицизма.

Некоторые доклады, представленные на конференции, выполнены в русле микроистории, истории ментальности и повседневности. Например, А.В. Сушков проанализировал отдельный эпизод из истории международных отношений – описал начало дипломатической деятельности в Польше члена Президиума ЦК КПСС А.Б. Аристова в 1961 г. как часть формирующейся практики направлять на дипломатическую работу бывших членов высшего руководства страны, по тем или иным причинам оказавшихся в опале.

Большой интерес представляет основанная на архивных документах, правда, не всегда критически интерпретируемых, работа А.О. Тюрина о восприятии жителями провинциальных городов международных событий в конце 1920-х – 1930-е гг.

Доклад Г.Г. Корноуховой был посвящен анализу деловой культуры иранских предпринимателей в контексте российско-персидских торговых отношений второй половины XIX – начала XX в. Автор рассмотрела комплекс факторов, обуславливавших мотивацию делового поведения персидских предпринимателей, выявляемых в различных сферах жизнедеятельности иранского социума, в процессе их становления и развития, в том числе роль религиозно-этических представлений, с другой стороны, показала восприятие и оценку этого поведения представителями российских деловых кругов.

Не остались без внимания участники конференции и историографические сюжеты. Ю.О. Куренкова сделала обзор историографии международного сотрудничества в рамках СЭВ. Автор выделила два периода изучения истории СЭВ – с 1950-х по конец 1980-х и с начала 1990-х гг. по настоящее время – и вполне доказательно констатировала естественное угасание интереса к этой проблематике в постсоветский период.

Представительной была секция «Эмиграция и российская диаспора», на которой актуально и с безусловной новизной прозвучала проблема места российской эмиграции в мировом геополитическом пространстве. Во время обсуждения высветился целый ряд исследовательских направлений, которые прежде либо не получили развития, либо лишь отчасти затрагивались в исторической науке.

Тематика и содержание представленных докладов отражают современный уровень эмигрантоведения. Хронологически доклады охватили весь XX в.: от активных внешних миграционных процессов до современности. В результа-

те создалась картина истории эмиграции всех «волн». Обсуждались проблемы взаимоотношения и взаимовосприятия диаспоры, метрополии, принимающей среды, феномен «Зарубежной России», сложившийся в 1920–1930-е гг., вопросы адаптации в инациональном пространстве, рассматривалась повседневная жизнь эмигрантов, затрагивалось Ближнее Зарубежье.

Н.В. Досина, профессор Ярославского государственного университета, в докладе «К вопросу об общем вкладе русской эмигрантской культуры в современную западную и мировую цивилизацию» подняла теоретическую проблему культурной и интеллектуальной «цены» выезда интеллигенции из страны в контексте российских миграционных процессов XX в., подчеркнув ее чрезвычайную актуальность.

В русле новых историографических тенденций прозвучал доклад В.А. Шкерина, старшего научного сотрудника Института истории и археологии Уральского отделения РАН, о судьбе русского инженера А.П. Малоземова. Биографический подход позволил автору не только проследить судьбу героя, его семьи, но и на конкретном примере проиллюстрировать концессионную политику большевиков, связать судьбу личности с судьбой России, русской эмиграции, США на протяжении всего XX в.

А.Н. Птицын, доцент Ставропольского государственного университета, констатируя более слабую изученность дореволюционной российской эмиграции по сравнению с послеоктябрьской, исследовал миграционный обмен до 1917 г. между Российской империей и Австро-Венгрией. Традиционно выезд из России происходил преимущественно из западных регионов, а в этническом отношении большинство составляли евреи, ибо монархия Габсбургов не знала антисемитизма на официальном уровне. Если в 1869 г. в Габсбургской монархии проживало 4,1 тыс. российских подданных, то в 1910 г. – 41 тыс. Доля прибывших на короткие сроки не превышала 25%. Многие приобретали австро-венгерское подданство. Крупнейшая колония находилась в австрийской столице.

А.Н. Птицын указал на причины эмиграции, особенности адаптации. Среди еврейских переселенцев преобладали представители социальных низов, не обладавшие необходимым уровнем образования и квалификации. Как замечал один из депутатов венгерского парламента, расселяясь там, где прежде евреев не было, они наживались за счет местного населения продажей спиртных напитков или ростовщичеством. Зачастую российские евреи включались в миграционный поток местных евреев и переселялись вместе с ними в США. После начала Первой мировой войны большая часть российской колонии выехала на родину, а военнообязанные мужчины были интернированы.

Истории Зарубежной России 1920–1930-х гг. докладчики уделили наибольшее внимание, что отражает современную историографическую ситуацию. Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова З.С. Бочарова проанализировала, какое место заняла российская эмиграция 1920–1930-х гг. во внешнепо-

литической деятельности молодого советского государства, отметив роль репатриации, посредничество Ф. Нансена, верховного комиссара по делам военнопленных (1920–1921 гг.), затем верховного комиссара по делам русских беженцев (1921–1930 гг.) Лиги Наций, для расширения контактов с зарубежными странами. С укреплением своих позиций на международной арене СССР вытеснил эмиграцию из дипломатической, идеологической, гуманитарной сферы, и русские беженцы перестали существовать как субъект и объект международного права.

Структурирующую роль в жизни русского Зарубежья сыграл Совет послов – квазиправительственное образование на основе российского Заграничного дипломатического корпуса, не признавшего большевистскую власть. Сохраняя старые позиции, российская дипломатия значительно расширила свои функции за счет решения гуманитарных задач и обеспечения правового положения беженцев, хотя понесла серьезные кадровые потери. Об этом сообщила старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Е.М. Миронова. Возможно, Запад гораздо раньше признал СССР, если бы не существовало сдерживающего фактора в лице Совета послов русского Зарубежья.

Основной задачей Зарубежной России стала попытка сохранения национальной идентичности. Данная тема была затронута в ряде докладов. Аспирантка Воронежского государственного педагогического университета Ю.Ю. Булгакова остановилась на социально-психологических и морально-нравственных последствиях «утраты родины» для молодого поколения эмиграции 1920-х гг. и констатировала, что нестабильные жизненные условия способствовали формированию особого психологического склада ребенка-эмигранта, ослаблению связи с семьей, нравственной деградации, потере ценностных ориентаций, денационализации личности. Реабилитация подрастающего поколения легла на плечи национального образования.

По мнению доцента Московского гуманитарного университета О.А. Косиновой, посвятившей свой доклад своеобразию культурно-образовательного пространства российского Зарубежья на территории Китая, негативные явления в молодежной среде стали следствием культурного шока. Сохранить национальную культуру, обеспечить преемственность педагогических традиций удалось по линии КВЖД. Колонии россиян в Пекине, Шанхае и Тяньцзине интенсивно взаимодействовали с западными концессиями и пользовались их образовательными учреждениями: к середине 1930-х гг. в иностранных школах Шанхая обучались $\frac{3}{4}$ детей русской колонии. С началом японской оккупации сломалась прежняя система образования, духовно-нравственное воспитание заменялось социально-политическим. Денационализация молодежи вела к разрушению российского культурно-образовательного пространства.

На предотвращение денационализации молодежи направила свои усилия интеллигенция. Как показала В.Ю. Волошина, доцент Омского государ-

ственного университета, отмечавшиеся эмигрантами юбилейные даты сохраняли историческую память, связывали изгнанников, рассредоточенных по разным странам, в единое целое, стимулировали культурно-просветительскую деятельность. Примеры таких событий – 175-летие Московского университета, 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина, ежегодные Дни русской культуры 8 июня – проиллюстрировали способы пропаганды русской культуры и показали важность наличия «живого чувства Родины».

В современной историографии актуальны проблемы адаптации диаспор. Особенности освоения российских эмигрантов в Китае исследовал С.В. Смирнов, доцент Уральского государственного университета им. А.М. Горького. На основе изучения биографических материалов он показал возможности включения индивида в экономическую сферу Северной Маньчжурии (профессиональная квалификация, капиталы, связи, устойчивое правовое положение), в то время как интеграция в общественно-политическую и культурную сферу в силу ряда причин не реализовывалась. С приходом японцев в Маньчжурию в 1931 г. прежние каналы достижения социального успеха не действовали, на первый план в качестве критерия поддержания статуса вышли политическая благонадежность и лояльность, антисоветизм. Рост патриотизма в годы Второй мировой войны, участие в антияпонском движении означали отказ от политических средств социальной адаптации.

Е.Н. Наземцева, доцент Алтайской государственной педагогической академии, продолжая поднятую тему, выявила специфику интеграции русских эмигрантов в экономику и социальную структуру провинции Синьцзян в 1920-е гг. Первоначально бывшие участники белогвардейских военных формирований получали помощь от китайских властей и от военных организаций эмигрантов, а ее прекращение к середине 1920-х гг. подстегнуло реэмиграцию на родину. В отличие от военных, гражданские беженцы были поддержаны родственниками или знакомыми, ибо благодаря традиционным торговым сношениям России с Синьцзяном в провинции имелась многочисленная русская диаспора. Русские занимались торговлей, работая как в своих, так и в иностранных фирмах, вели торговые операции с СССР. Они знали языки многочисленных местных народностей, их традиции, обычаи, что использовало руководство провинции для развития экономики Синьцзяна. Но улучшить политическое положение русских, уравнивать с другими малыми этническими группами не пожелало.

Адаптации русских эмигрантов в странах Северной Европы был посвящен доклад Т.П. Тетеревлевой, доцента Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск). Характерно массовое понижение их социального статуса, особенно в Норвегии и Финляндии, хотя организация помощи беженцам в последней являлась одной из лучших в Европе. Перемена социального статуса влияла на психологию эмигрантов, провоцируя, по мнению Т.П. Тетеревлевой, раздвоенность: тяжелый физический труд днем и образ жизни интеллигента по вечерам. Невысокий уровень

активности эмигрантского сообщества обусловил периферийное положение этих стран Северной Европы на социокультурном пространстве зарубежной России, а в целом социально-экономическая адаптация завершилась интеграцией в новое общество.

Т.М. Симонова, старший научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны РФ, проследила формирование такого сложного явления, как «русские в Польше». На передвижения и расселение русских беженцев влияла правовая политика, учитывавшая советско-польские договоры, условия натурализации, официальную государственную идеологию и пр. Более чем в других странах русские страдали здесь из-за регулярных высылков, в том числе в Советскую Россию. В результате их численность сократилась с 500 тыс. в 1922 г. до 138,7 тыс. в 1937 г.

Доцент Санкт-Петербургского университета экономики и финансов Е.И. Белова доложила о сохранении в изгнании воинского братства на примере Лейб-гвардии казачьего полка. Она показала, что процессы адаптации протекали параллельно с воссозданием полкового музея, формированием архива, которые существуют и поныне.

В докладе О.В. Коваль «Североамериканское направление белорусской эмиграции в межвоенный период» была освещена иммиграционная политика США и Канады, выявлено общее и особенное в адаптации и социализации белорусов, украинцев, евреев, русских. Преимущественно экономическая по своему характеру белорусская эмиграция часто консолидировалась с украинской, польской или русской диаспорой, хотя и пыталась создавать свои организации и органы периодической печати.

Исследование проблем адаптации российской эмиграции было дополнено обзором политической жизни. Доцент Хабаровской государственной академии экономики и права О.В. Авдошкина сосредоточила внимание на эволюции идейных и тактических установок кадетов в 1920-е гг. в эмиграции. Антибольшевистские настроения, объединявшие эмиграцию, разбивались о чрезвычайное разнообразие политических платформ. Группа кадетов во главе с П.Н. Милюковым, отстаивавшая «новую тактику», считала необходимым размежевание с монархистами и переход к политике «разложения большевизма внутренними средствами».

Данную тему продолжила профессор МГУ им. М.В. Ломоносова О.И. Митяева в докладе «Отношение П.Н. Милюкова к России в годы эмиграции». Она подчеркнула, что П.Н. Милюков дифференцировал борьбу против большевиков и борьбу против России и связывал спасение родины с силами внутри России (прежде всего крестьянством), а не с эмиграцией. Его культурная подвижническая работа способствовала приращению духовного потенциала отчизны. Милюков-патриот раскрылся в полной мере в годы Второй мировой войны, выступая за сохранение территориальной целостности СССР, понимая, что народ не только принял советский режим, но и примирился с его недостатками и оценил его преимущества.

В современном эмигрантоведении начало складываться новое направление, связанное с формированием «образов» России, Зарубежья и стран-реципиентов. Н.А. Родионова, доцент Государственного университета – Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ), выявила факторы, влиявшие на представления русских изгнанников о народах приютивших их государств и европейцев о беженцах. Анкеты, собранные баронессой М.Д. Врангель, ряд воспоминаний эмигрантов позволяют сказать, что взаимовосприятие обусловлено социальными, религиозными, моральными, политическими и другими причинами, а «своя» культура задает способ видения мира. Преобладание негативных оценок характера народов принимающей среды свидетельствовало об обостренной эмоциональной реакции людей, переживающих травму изгнания, их дезадаптации, боязни ассимиляции и стремлении сохранить национальную идентичность.

Общеизвестно, что у пореволюционной эмиграции сложилось особое отношение к метрополии. Несмотря на конфронтацию, она внимательно следила за событиями на родине. А.В. Урядова, доктор истории университета Сорбонны, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, рассмотрела эволюцию восприятия зарубежной Россией жизни на родине и факторы, влиявшие на оценку действительности в СССР. Происходившее в метрополии стимулировало интеллектуальную и политическую жизнь Зарубежья, могло объединять его (например, голод 1921–1923 гг.) либо разъединять, будило к поиску своего места в судьбе Родины.

Рефлексия по поводу судеб России революционного периода, судеб, места и роли интеллигенции характерна для эмиграции 1920-х гг. Н.В. Шалаева, доцент Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, опираясь на труды русских философов, литераторов, вместе с ними размышляла о революции 1917 г., политике Советской власти, расколе интеллигенции – узкого общественного слоя, с особым мировоззрением, морализирующего, обладающего чувством социального покаяния.

М.Н. Мосейкина обратилась к проблемам взаимодействия СССР и российского Зарубежья в странах Латинской Америки в условиях начала холодной войны. По сравнению с «первой» волной русская послевоенная эмиграция оказалась в большей степени вовлеченной в антикоммунистическую деятельность и не желала возвращаться в СССР. Коммунистическое руководство коммунистических партий латиноамериканских стран использовало просоветски настроенную часть соотечественников за рубежом в «холодном» противостоянии. Патриотическая часть российского Зарубежья сотрудничала с советскими посольствами, ВОКСом, Славянским комитетом, что в 1950-е гг. привело к добровольной репатриации в СССР.

Новые диаспоральные процессы связаны с созданием так называемого Ближнего Зарубежья на постсоветском пространстве. В 1990-е гг. за пределами отечества оказалось примерно 25 млн русских. Поскольку этническая карта активно разыгрывалась в политической игре, связанной с развалом

Союза ССР, отношение к русскоязычному населению в бывших союзных государствах складывалось, мягко говоря, неоднозначное. Сегодня ситуация стабилизировалась, но положение в разных странах имеет свои особенности. Не случайно Н.Я. Лактионова, старший научный сотрудник Центра политических исследований Института экономики, обратилась к исследованию проблем адаптации русских в Эстонии.

Отметив тесную экономическую, политическую и культурную связь Эстонии с Россией и наличие в этой стране не менее трети русскоязычного населения, докладчик указала на практику ущемления прав соотечественников: невозможность владения приватизированным жильем, землей, недвижимостью, получения образования в государственных вузах на родном языке, создания организаций, защищающих интересы русских, получение социальной пенсии в меньших, чем представители титульной нации, размерах.

Под видом интеграции идет процесс ассимиляции, обособления или маргинализации русскоязычной части населения. Вместе с тем антироссийский политический вектор – визитная карточка Эстонии в глазах мирового сообщества – не поддерживается здравомыслящей, свободной от конъюнктуры эстонской интеллигенцией. Широкая идентичность, на которой держался Советский Союз и призван держаться Евросоюз, рано или поздно приведет к конфликту с узконационалистическими взглядами радикалов.

Полярные идентичности эстонского общества, констатировала Н.Я. Лактионова, неизбежно войдут в противоречие с эстонской государственностью, ориентированной на ЕС. Докладчица обратила внимание на еще одно обстоятельство. Пока не способствует единению и Эстонская Православная Церковь, вышедшая из юрисдикции Русской Православной Церкви (РПЦ) и перешедшая под юрисдикцию Константинопольского патриарха, в то время как РПЦ является единственной нерасчлененной структурой на территории бывшего СССР, способной поддержать русских.

Таким образом, докладчики обозначили актуальные проблемы и новые направления, сложившиеся в современной историографии, подняли теоретические вопросы, создали полотно истории диаспоры в широких временных рамках.

В целом работа конференции продемонстрировала актуальность обращения к проблемам сотрудничества и контактов России, СССР и Российской Федерации с зарубежными странами и народами в условиях формирования контуров новой глобальной истории. Был продемонстрирован значительный эвристический потенциал современных методологических направлений, теоретических концептов и междисциплинарного инструментария исторической науки. Исследование целого ряда проблем на основе региональных документальных комплексов позволило авторам выявить общие черты и специфику рассматриваемых феноменов, свидетельствовало о расширении источниковой базы, вовлечении в научный оборот новых материалов. В то же время требуют дальнейшего изучения диалектика конкретно-исторических

форм взаимодействия, мирного и конфликтного, роль социальных и коммуникативных практик как воплощения неразрывного единства субъективного и объективного в историческом процессе развития историко-культурных контактов народов.

**З.С. Бочарова, М.Н. Мосейкина,
О.С. Поршнева, М.Ф. Румянцева**

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран в XX в.: Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию РУДН (Москва, РУДН, 20–21 мая 2010 г.) / Отв. ред. В.М. Козьменко, В.В. Керов. – М.: Изд-во РУДН, 2010. – 473 с.

**COOPERATION AND CONTACTS OF RUSSIA AND THE SOVIET UNION
WITH FOREIGN COUNTRIES IN 20TH CENTURY.
RESULTS OF 14TH ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC PRACTICAL CONFERENCE,
DEDICATED TO THE 50 ANNIVERSARY
OF PEOPLES FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
(Moscow, PFUR, May 20–21, 2010)**